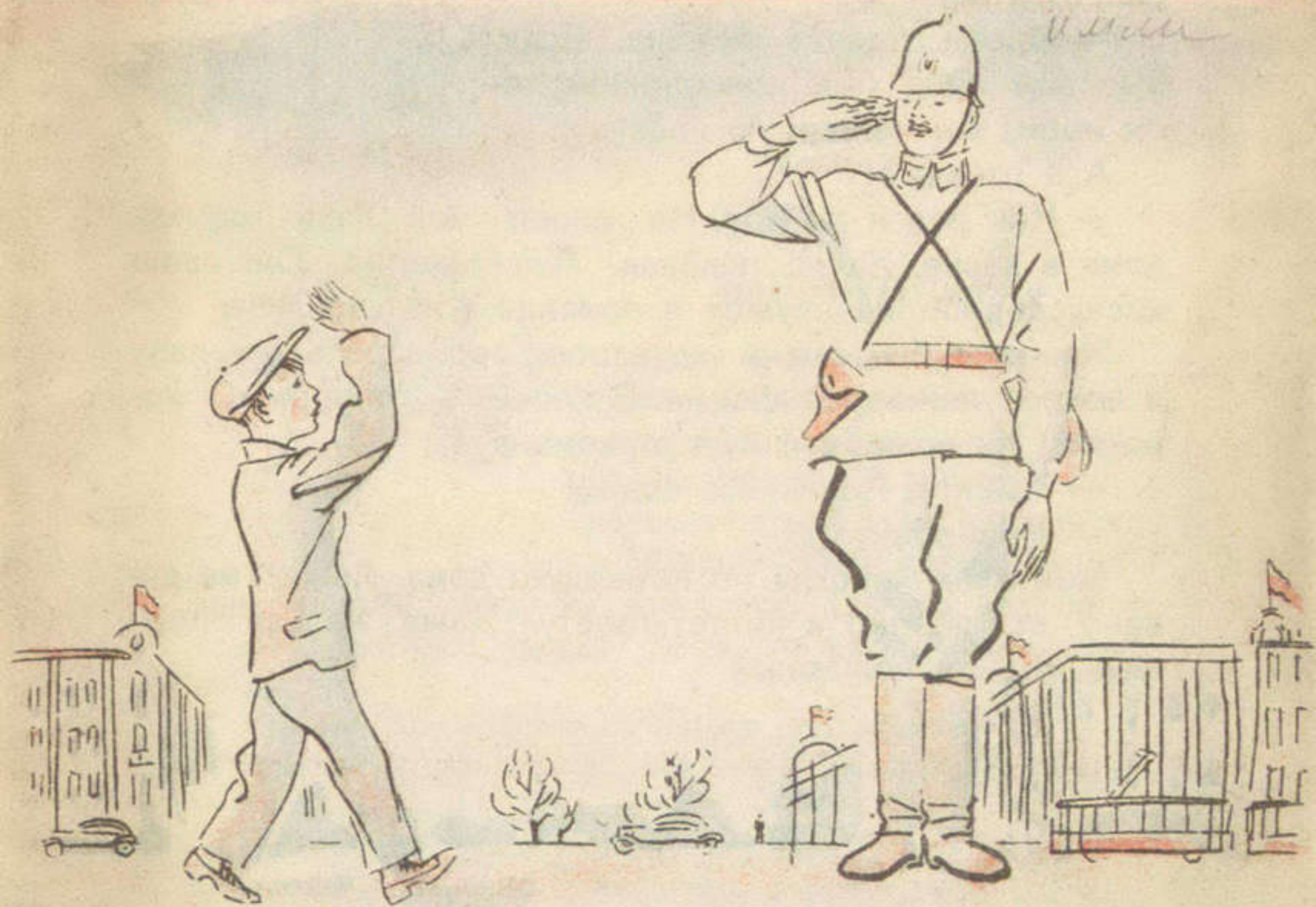

ЮРИЙ ГЕРМАН

МОЙ ЗНАКОМЫЙ МИЛИЦИОНЕР

РИСУНКИ А. УСПЕНСКОГО

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

1940

173702 - K

МОЙ ПАПА И Я

Мой папа — пожарный. Но дома он никогда не носит форменную одежду, а носит полосатую майку и старые серые штаны. И мои товарищи не верят, что мой папа пожарник. Они говорят:

— Врешь ты все, Мишка. Если бы твой папа был пожарником, то он носил бы пожарную каску.

А я отвечаю:

— Как раз и не вру. Не может мой папа торчать дома в каске. Каска тяжелая. Папе жарко. Он свою каску держит на службе в команде — на гвоздике.

Но мне бы очень хотелось посмотреть на папу в полной пожарной форме. В каске. С топором. С фонарем. На пожаре, когда он командует:

— Тушите! Поливайте водой!

— Не робейте!

Мой папа никогда не командует дома. Лежит на диване, ест яблоко и читает газету. Даже нельзя подумать, что он пожарный.

НАШИ УЛИЦЫ

Наши окна выходят на перекресток. Перекресток — это такое место, где одна улица пересекает другую. На нашем перекрестке четыре угла. Мы живем в большом сером доме, и наши окна выходят сразу на две улицы. Так что, если мне надоест смотреть на одну улицу, то я могу посмотреть на другую.

Что только делается на нашем перекрестке!

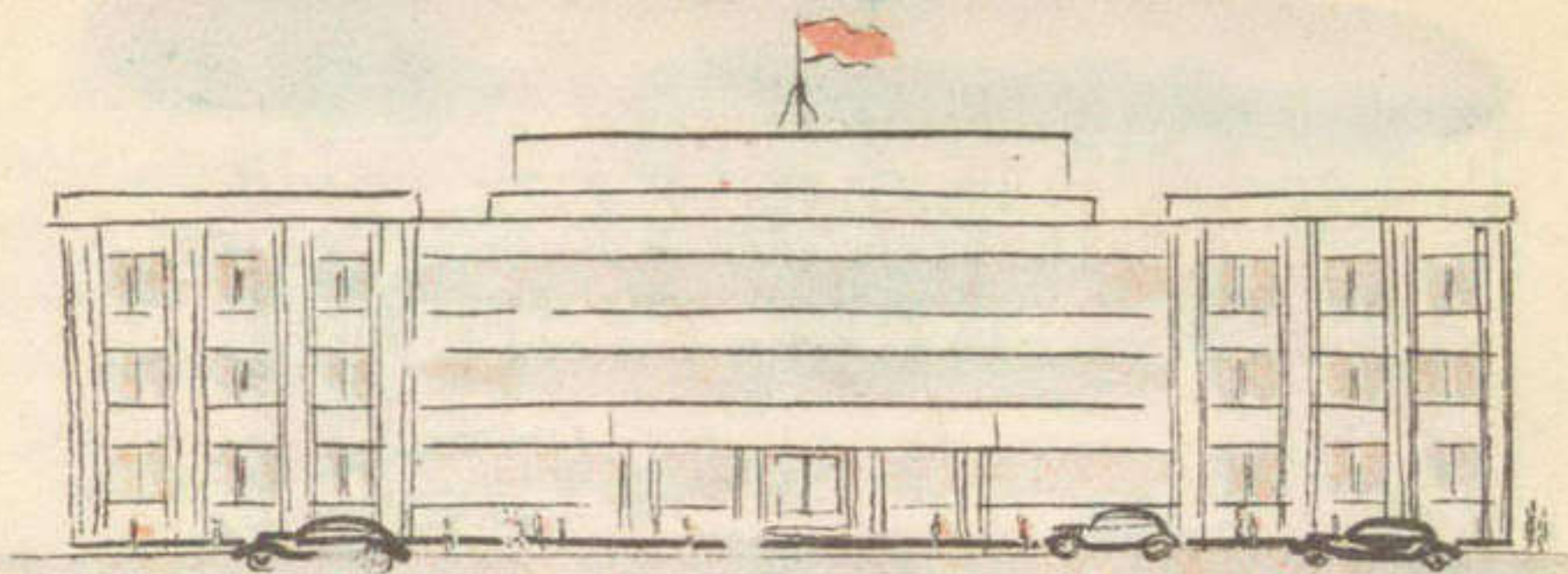
Против наших окон строят школу, в которой я буду учиться.

На обеих улицах сажают деревья. Как только их посадят, наши улицы превратятся в бульвары.

На широкой улице прокладывают трамвайные рельсы. Как только рельсы проложат, у нас будет свой трамвай.

На узкой улице натягивают провода для троллейбуса. Как только натянут провода, у нас будет свой троллейбус.

Очень интересно живется на нашем перекрестке.

СВОЙ МИЛИЦИОНЕР

Как-то утром я проснулся, поглядел в окно, смотрю — моя школа готова. Уже окна моют и приколачивают вывеску.

Папа говорит:

— Приличный дом получился.

А мама говорит:

— Просто чудный. Ну, Мишка, пойдем покупать учебник, тетради и все такое.

Пошли мы по магазинам, всё купили и вернулись домой.

Я весь день очень волновался. Даже папа у меня спросил:

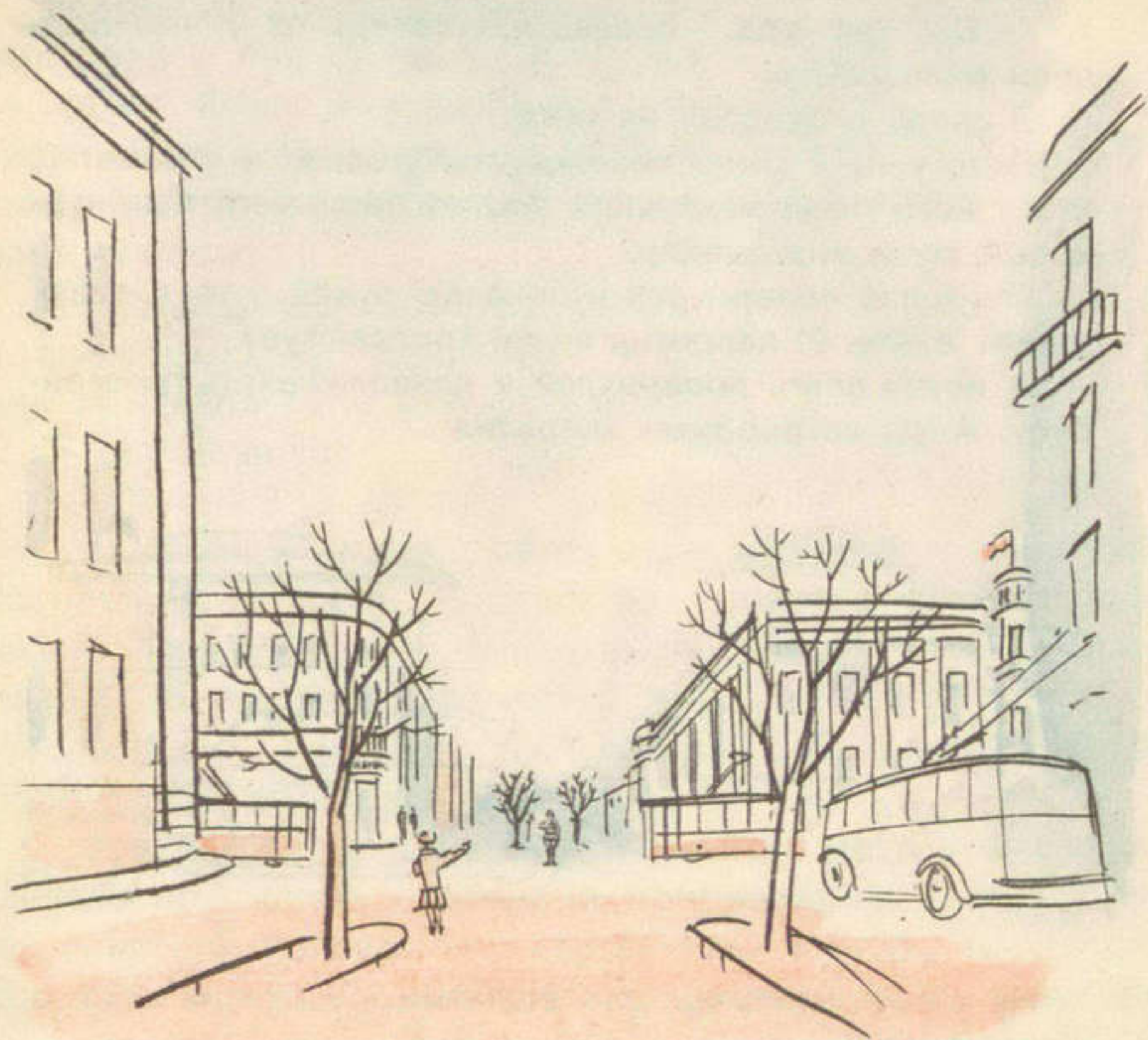
— Может быть, у тебя живот болит?

На другое утро мы с папой вышли из дому вместе. Папа к себе в пожарную команду, а я к себе в школу.

— Ну, — говорит мне папа, — учись лучше.

Я говорю:

— Ладно. И ты свои пожары туши получше.

А когда я возвращался из школы, по нашим улицам уже мчались трамваи и троллейбусы, и на перекрестке стоял — кто бы вы думали?

Милиционер — вот кто! Это был превосходный милиционер. Он был весь в белом.

На одном боку у него был револьвер, на другом боку — сумка, потом у него был противогаз, потом — свисток, каска, белые перчатки... И на нашем доме

теперь висел специальный телефон для нашего милиционера.

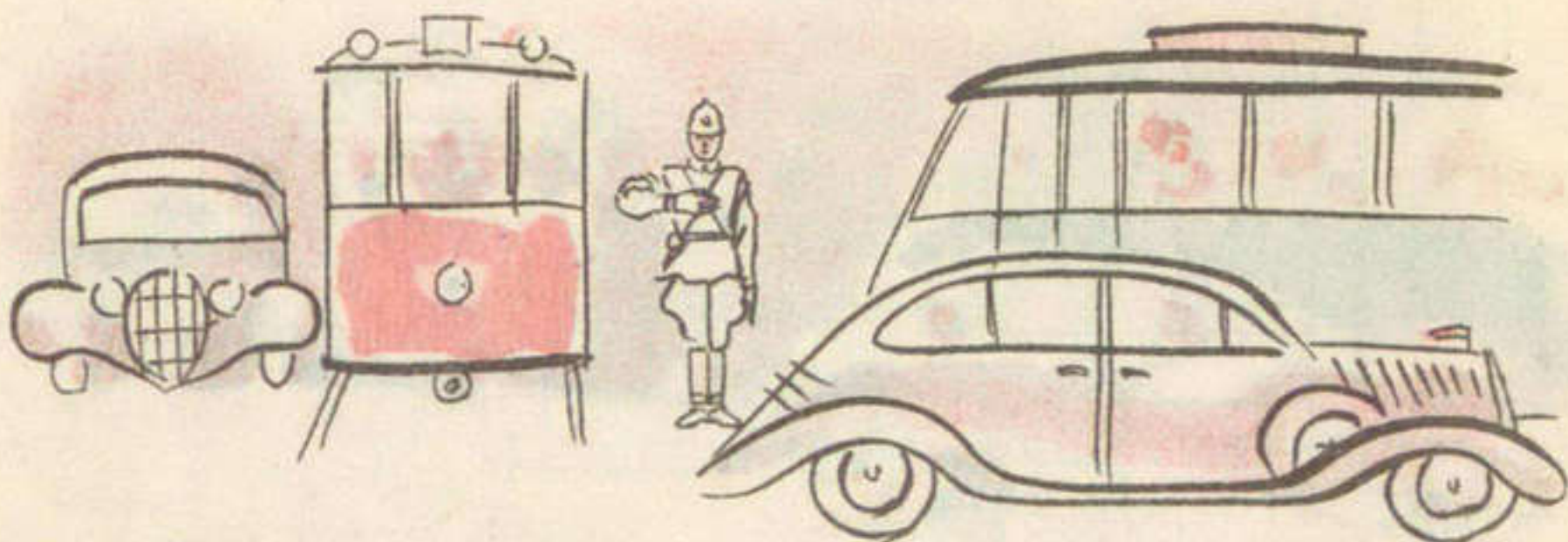
— Вот так раз, — сказал я, — теперь-то у нас есть свой милиционер.

Я стоял и смотрел на него.

Лицо у него было веселое, загорелое, и я заметил, что у него были маленькие усы. И нос у него был курносый. Ну и милиционер!

Он ловко повернулся и показал рукой, что трамвай может ехать. И запретил ехать троллейбусу.

А потом опять повернулся и позволил ехать троллейбусу. А уж автомобилю запретил.

Ну и слушались же все вожатые и шоферы нашего милиционера!

А один, весь в кожаном, не послушался. Милиционер свистнул в свисток и сказал ему:

— Как это я должен понять? Может быть, вы хотите устроить аварию? Может быть, вы вовсе и не шофер? Может быть, вы не знаете правил уличного движения? Вы слишком много себе позволяете, вот как, гражданин. В следующий раз я вас оштрафую.

Он козырнул и махнул рукой, показывая этим, что шофер может ехать дальше. А шофер сказал:

— Извиняюсь, товарищ начальник.

И поехал.

ТРЕВОГА

Я пришел домой из школы, помыл руки и сел обедать. Как раз на обед были мои любимые сосиски. Вот я съел три сосиски и стал быстро есть компот, а моя мама говорит:

— Во-первых, не болтай ногами, а во-вторых, не торопись. Сегодня придется тебе посидеть дома.

Я спрашиваю:

— Почему?

— Потому, — мама говорит, — что сегодня будет газовая тревога и воздушная тревога. Это вроде войны. Такое учение, чтобы, если наступит война, люди знали, что им делать. Учебная игра.

— Ладно, посижу уж дома, — сказал я, — дай-на, пожалуйста, мне еще компоту.

Наелся я и лег полежать. А мама у меня стала спрашивать про школу — как мне понравилось. Поговорили мы с мамой, поговорили, потом чаю попили, а тревоги все нет. Я чуть было не заснул, вдруг мама спрашивает:

— Слышишь?

Можете себе представить — все гудки завывали. И по радио какой-то дяденька говорит, что тревога. И сирена воет. Мама погасила электричество, и мы с ней сели к окну. И видим — все окна темные. И везде темно.

Только один наш милиционер стоит в противогазе под синим фонарем. Я сразу спросил у мамы:

— Мам, а почему он свой синий фонарь не погасил?

— Потому, — мама говорит, — что сверху, с самолетов синий свет вообще не видно.

Вдруг едет машина. Милиционер ее сразу остановил и всех пассажиров отправил в парадную. А шоферу погрозил пальцем.

— Правильно, — мама говорит, — нечего разъезжать, когда тревога. Бросят бомбу с самолета — и пропали люди.

Потом наш милиционер остановил трамвай. И пассажиров быстро повел в мою школу.

— Какие новые школьники, мам, — говорю я, — видишь, с бородами.

Тут бомбы стали падать. Я немного испугался, но мама мне сказала, что это бомбы не настоящие, и чтобы я не прыгал у нее на коленях, а то я ей колени отобью. В это время наш милиционер остановил одного человека в очках.

— Попался, — мама говорит, — не будет теперь без противогаза бегать!

И объяснила мне мама, что человек в очках теперь уже считается отравленным газами и что его сейчас повезут лечить. И мы с мамой стали смеяться. Очень было уж смешно смотреть, как этого в очках стали укладывать на носилки, а он брыкался и хохотал.

— Наверное, щекотки боится, — сказала мама, — как ты.

Этого в очках на носилках втащили в автомобиль скорой помощи, и автомобиль уехал. А бомбы стали падать все чаще и чаще. Улица совсем опустела, и только наш милиционер попрежнему стоял на своем посту и осматривался по сторонам.

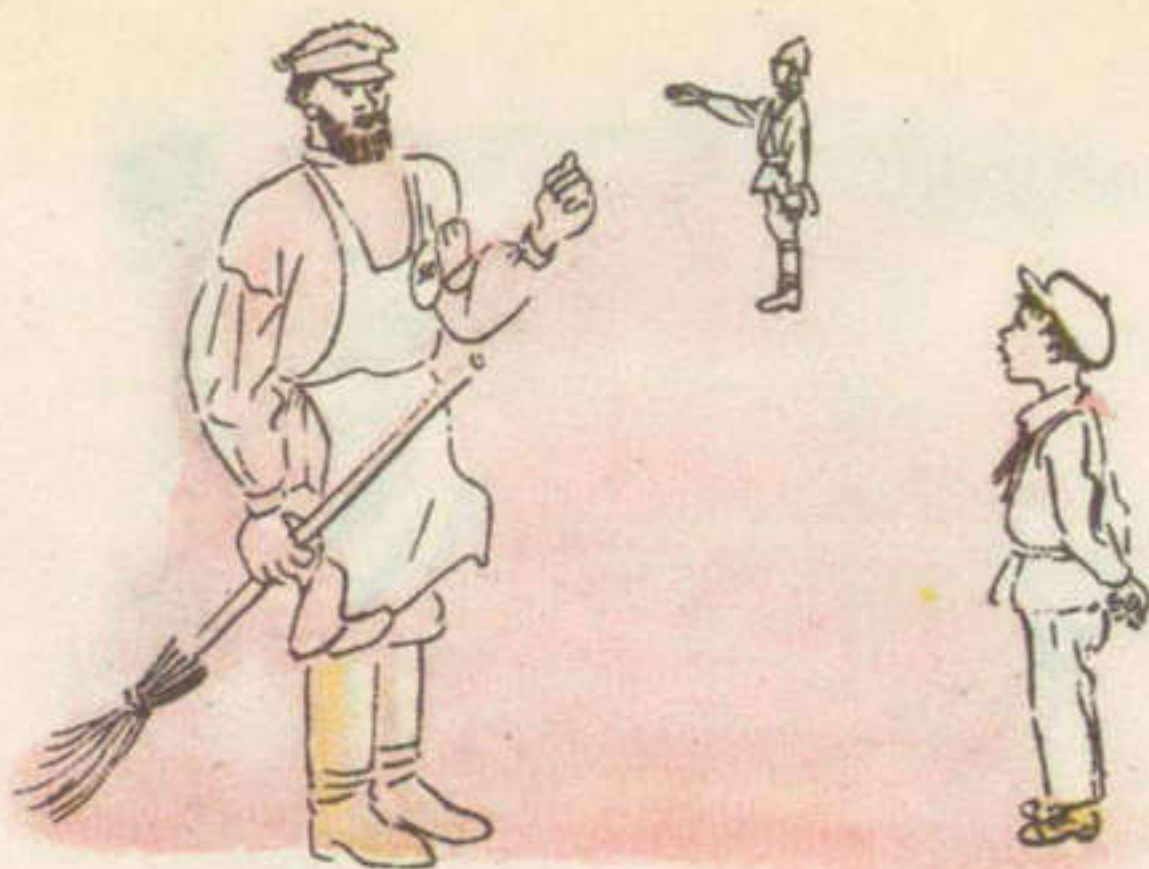
— Какой все-таки бесстрашный, — сказал я, — бомба ведь может упасть на него. Верно, мам?

— Советский милиционер никогда не убегает, — сказала мне мама, — он ничего не боится и всегда стоит на своем посту. И когда наступит война, он не убежит и не испугается, а так же будет охранять наш город, наш труд и порядок и спокойствие, как сейчас.

Упала еще одна бомба, и наш милиционер опять не испугался. Он только повернул голову туда, где дымилась бомба, и пошел звонить по своему телефону.

Потом приехали дегазаторы, посыпали чем-то белым наш перекресток, и тревога кончилась.

ШКОЛА МИЛИЦИОНЕРА

От нашего дворника я узнал, что милиционера зовут Иван Федорович.

— Умный человек Иван Федорович, — говорил дворник, — умнейший. Ты думаешь, каждый, как захотел, так и стал милиционером? Ничего подобного.

— Вас бы не взяли? — спросил я.

— Никак, — сказал дворник. — Ни за что. Я плохо вижу. У меня один глаз здорово хорошо видит, а другой глаз безобразно видит. Такой милиционер уже не годится. Понял?

— Конечно, — сказал я.

— Или, например, глуховатый, — говорил дворник, — тоже не годится. А у нашего Ивана Федоровича все в полном порядке. У него зрение превосходное. Глуховатости никакой. И школу он кончил. Вроде твоей, но только для милиционеров. Он там всему научился. И как стрелять, и как стоять на посту, и как регулировать движение. Не так-то просто.

— Да, — сказал я, — не так-то просто.

Я ЛУЧШИЙ ПЕШЕХОД

Постепенно я познакомился с нашим милиционером. Когда я шел в школу, он уже стоял на своем посту. И я, переходя улицу, всегда соблюдал правила уличного движения.

— Вы лучший пешеход на моем посту, — сказал мне Иван Федорович. — Мне всегда приятно, когда вы переходите мою улицу.

— И мне приятно переходить вашу улицу, — сказал я, — будем знакомы.

Так мы и познакомились.

И с тех пор каждый раз, когда я иду в школу, Иван Федорович мне козыряет. А я делаю ему пионерский салют.

ЛОШАДКИН

У меня есть один товарищ, Геня Лошадкин. У Гени есть папа — очень полненький, в кепочке с пуговицей. Вот как-то идет Генин папа по улице и кушает апельсин. Покушал, покушал и бросил корки на тротуар. Вдруг свисток. Это мой знакомый милиционер свистнул Гениному папе.

— Что такое? — спрашивает Генин папа. — Моя фамилия — Лошадкин. Вы мне свистнули?

— Вам, — говорит Иван Федорович. — Или подберите корки или заплатите штраф. Нельзя сорить на улице.

— Что такое? — говорит Лошадкин. — Это просто удивительно. Куда же мне деть мои корки?

— Бросьте в урну, — посоветовал Иван Федорович и козырнул. Он был очень вежливый.

— Не хочу, — говорит Лошадкин.

— Ах, так, — говорит Иван Федорович, — ну, так знайте, что вы и ваш сын очень несознательные люди. Вам известно, что ваш сын Геня не больше, не меньше, как катается на трамвайной колбасе? Я его два раза уже снимал с трамвайной колбасы. Мне стыдно думать, что бывают такие несознательные отцы и дети. Вы уже пожилой гражданин и вдруг швыряете корки на тротуар. А если кто-нибудь поскользнется на вашей корке и сломает себе ногу? На новеньком, чудном бульваре вы швыряете свои корки... И ваш сын катается на колбасе. Я удивляюсь.

Сказав так, он опять козырнул, а Лошадкин говорит:

— Не хочу в урну, вы мне настроение испортили.

Ивану Федоровичу пришлось взять штраф, и у него тоже испортилось настроение. А я перестал дружить с Геней за то, что он катается на трамвайной колбасе. И кроме того, Геня сказал мне, что мой папа вовсе не пожарник. Как будто раз пожарник, то и ходи все время в каске.

ЗИМА

Вот я учился, учился всю осень, а потом сразу в одну ночь наступила зима. Вечером была еще осень, и дождь моросил, а утром я подошел к окну и как начал удивляться: все белое. А папа бросил делать свою гимнастику и сказал:

— Настоящий буран. В двух шагах ничего не видно. Какая масса снега. Наверно, у вас в школе не будет никаких занятий.

А я говорю:

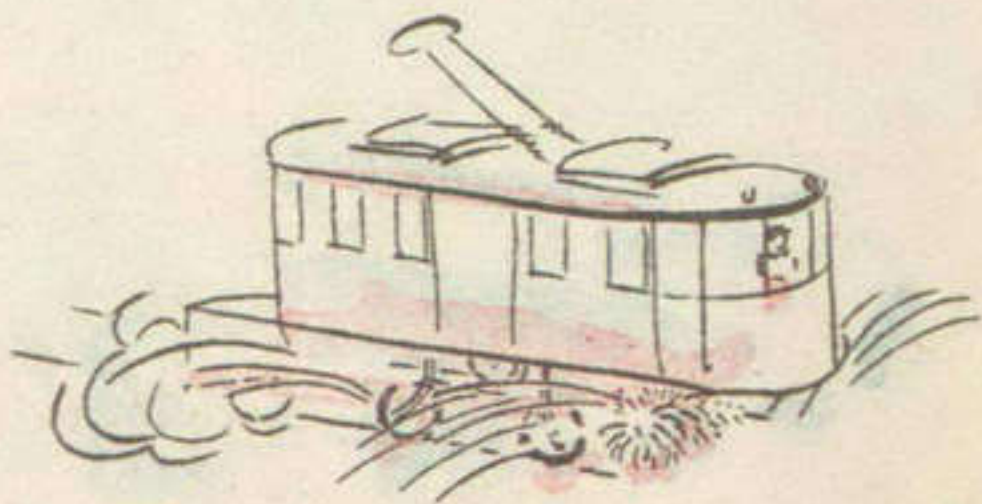
— Это, может быть, у вас в пожарной команде

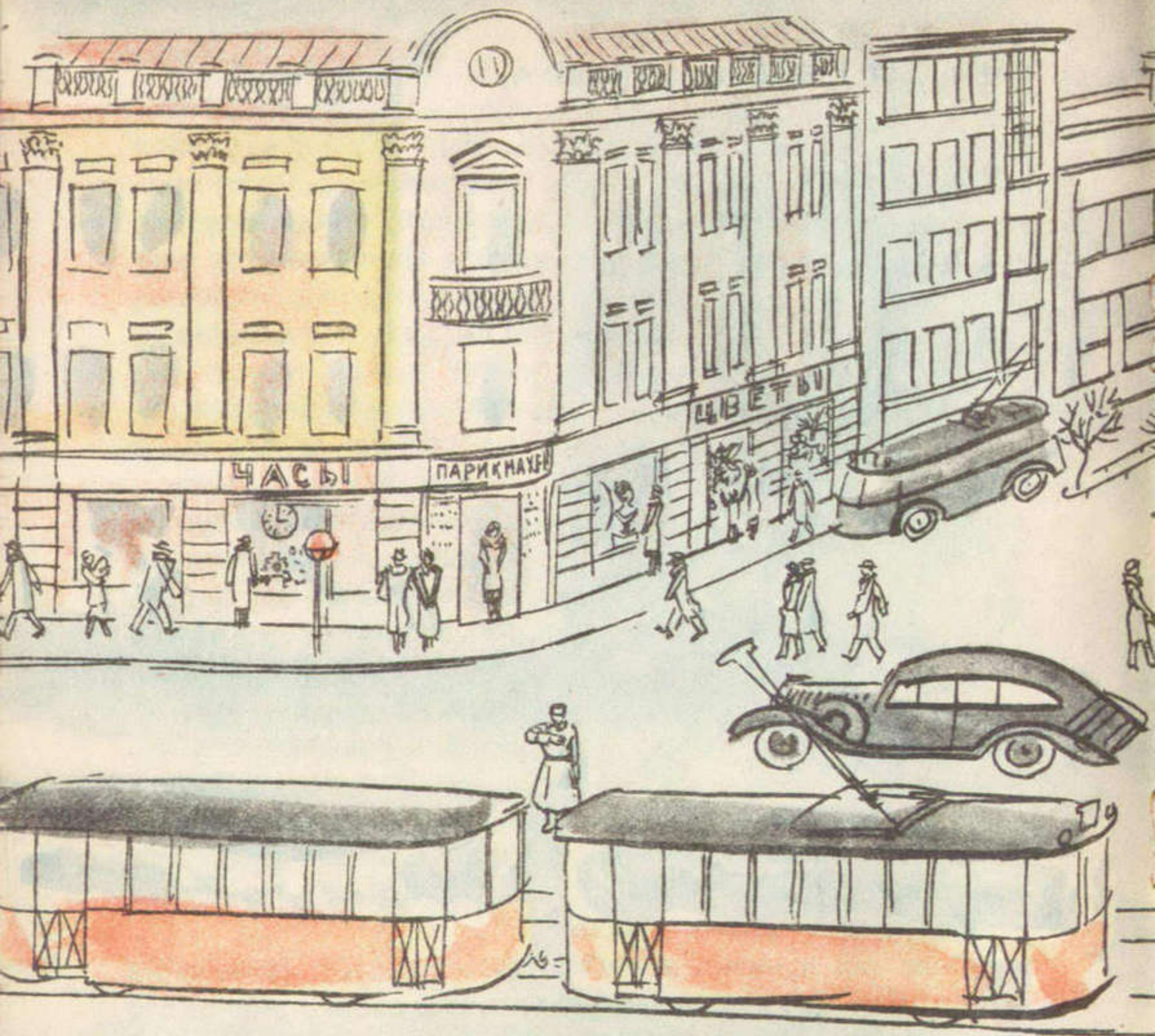
не будет никаких занятий. А у нас в школе будут все занятия.

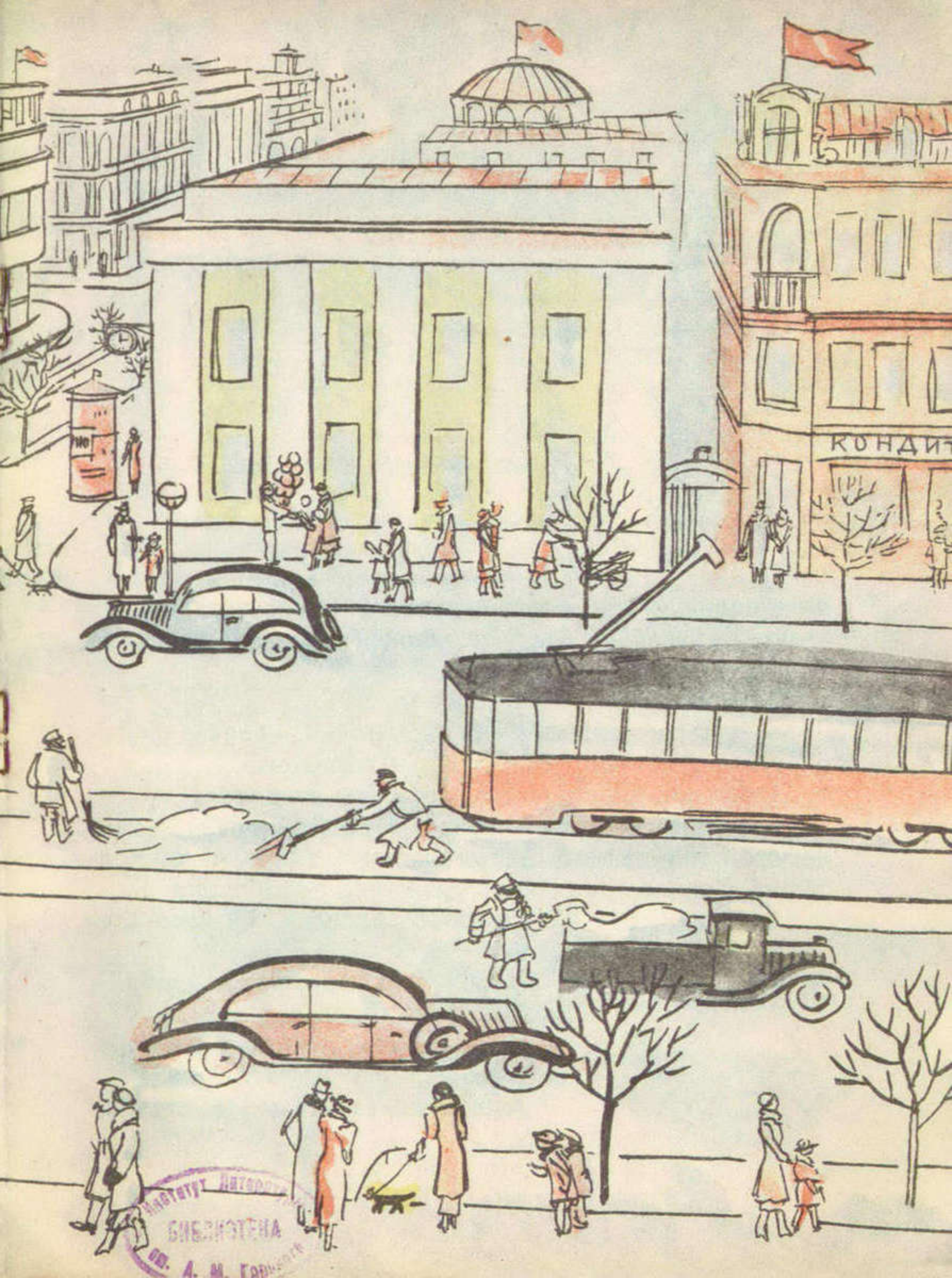
Покушал и пошел в школу.

Снег так и валит, а ветер так и свистит. Ничего не видно. Как бы, думаю, не удариться о своего знакомого милиционера Ивана Федоровича. Только успел подумать и сразу налетел на Ивана Федоровича. Он стоит в серой каске и в серой шинели и не регулирует движение. Я сразу у него спросил, почему он не регулирует движение.

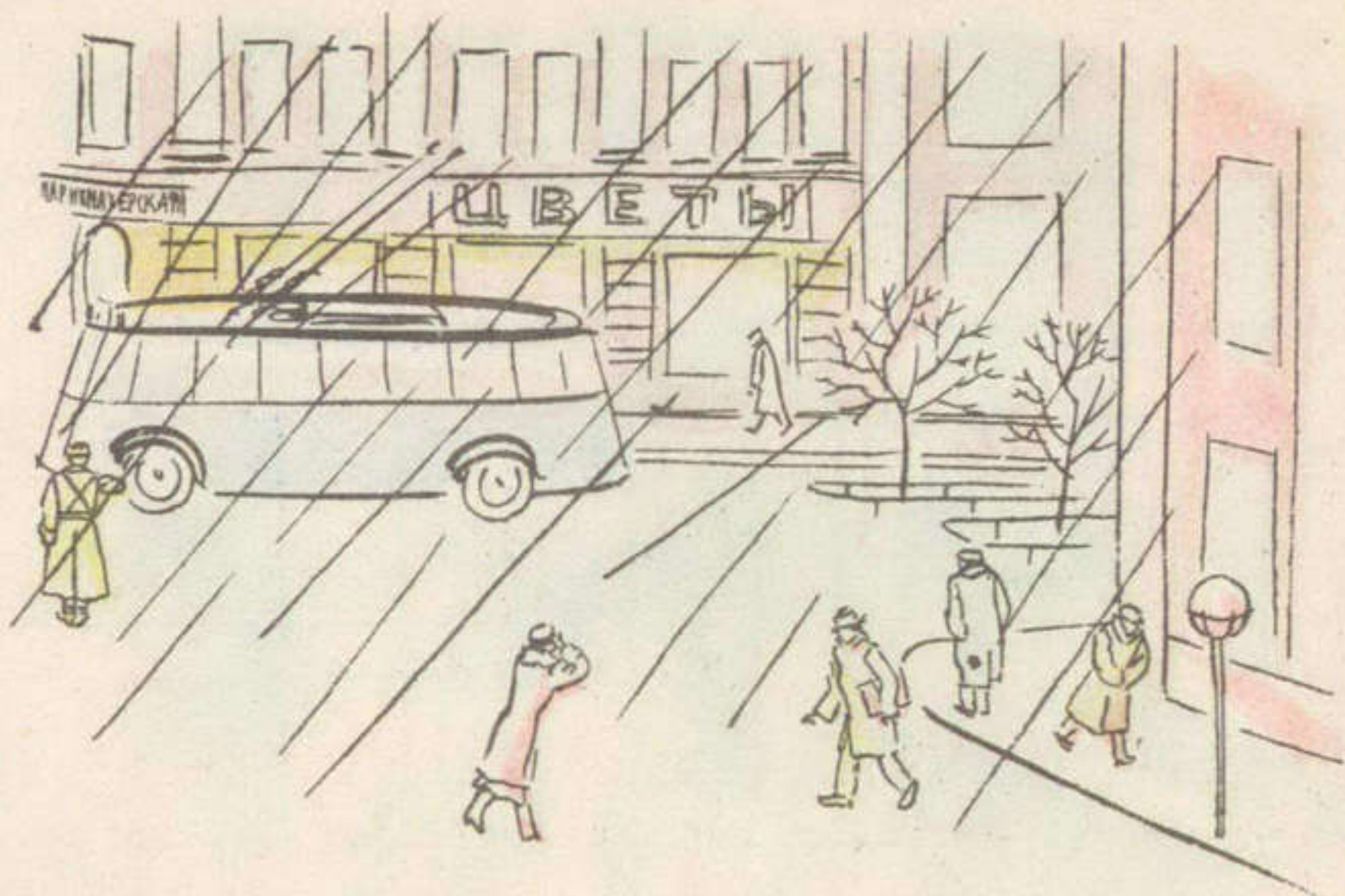
— Да движения никакого нет, — сказал Иван

МАСТЕРСТВО ИЗОБРАЖЕНИЯ
СЕРИОЗНО
ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

Федорович, — все снегом занесло. Заносы. Трамваи стоят. Автомобили буксуют. Даже извозчик ехать не может, — видишь, заснул на козлах.

Я посмотрел, но ничего не увидел.

— Ничего, — сказал Иван Федорович, — сейчас снегоочиститель приедет. Все будет в порядке.

Вдруг как заскрежетало, завыло, загремело.

— Вот он мчится, — сказал Иван Федорович, — наш дорогой трамвайный снегоочиститель. Гляди, какой красавец! Сейчас трамвайное движение возобновим.

Здорово работал снегоочиститель!

Перед ним вертелась щетка и отбрасывала с рельсов снег.

И движение действительно возобновилось.

А снег понемножку перестал падать.

Дворники сгребали снег в кучи, и грузовики увезли снег.

А пока я занимался в классе, случилась оттепель. Пошел дождь.

Но дождь шел недолго.

И сделался мороз.

И все покрылось льдом.

Вот пошел я домой, поскользнулся и как трахнулся башкой возле самого Ивана Федоровича. Он мне

помог встать и спросил:

— Живой?

— Живой, — я говорю.

Иван Федорович покачал головой и сказал:

— Вот погодка неслезательная, а? Воюй с ней, как хочешь.

И свистнул в свисток.

Подошел к нему дворник, а он говорит:

— Вот что, гражданин дворник, соберите своих других дворников и посыпьте участок песком. Каток образовался. Надо с этим безобразным положением покончить. Обратите внимание — лучший пешеход на моем участке сию минуту трахнулся о мостовую головой... Он очень недоволен. Верно?

Я говорю:

— Верно.

А когда я пришел домой и выглянул из окна на улицу, то увидел, что дворники посыпают наш перекресток песком.

Это чтобы я больше не трахнулся.

АВАРИЙНАЯ МАШИНА

Вот так Геня Лошадкин! Знаете, что случилось?

Он опоздал в школу. Вот, что случилось. Пропустил весь первый урок. И бежал бегом, чтобы не опоздать на второй урок. И перебегал улицу не по правилам. И чуть не попал под колеса троллейбуса.

Вы видели что-нибудь подобное?

Вожатый троллейбуса, чтобы не раздавить Геню Лошадкина, очень резко повернул руль, и троллейбус порвал свои провода.

А у нас в классе была переменка, было открыто окно, и мы все смотрели в окно и видели, как рассердился мой знакомый милиционер Иван Федорович.

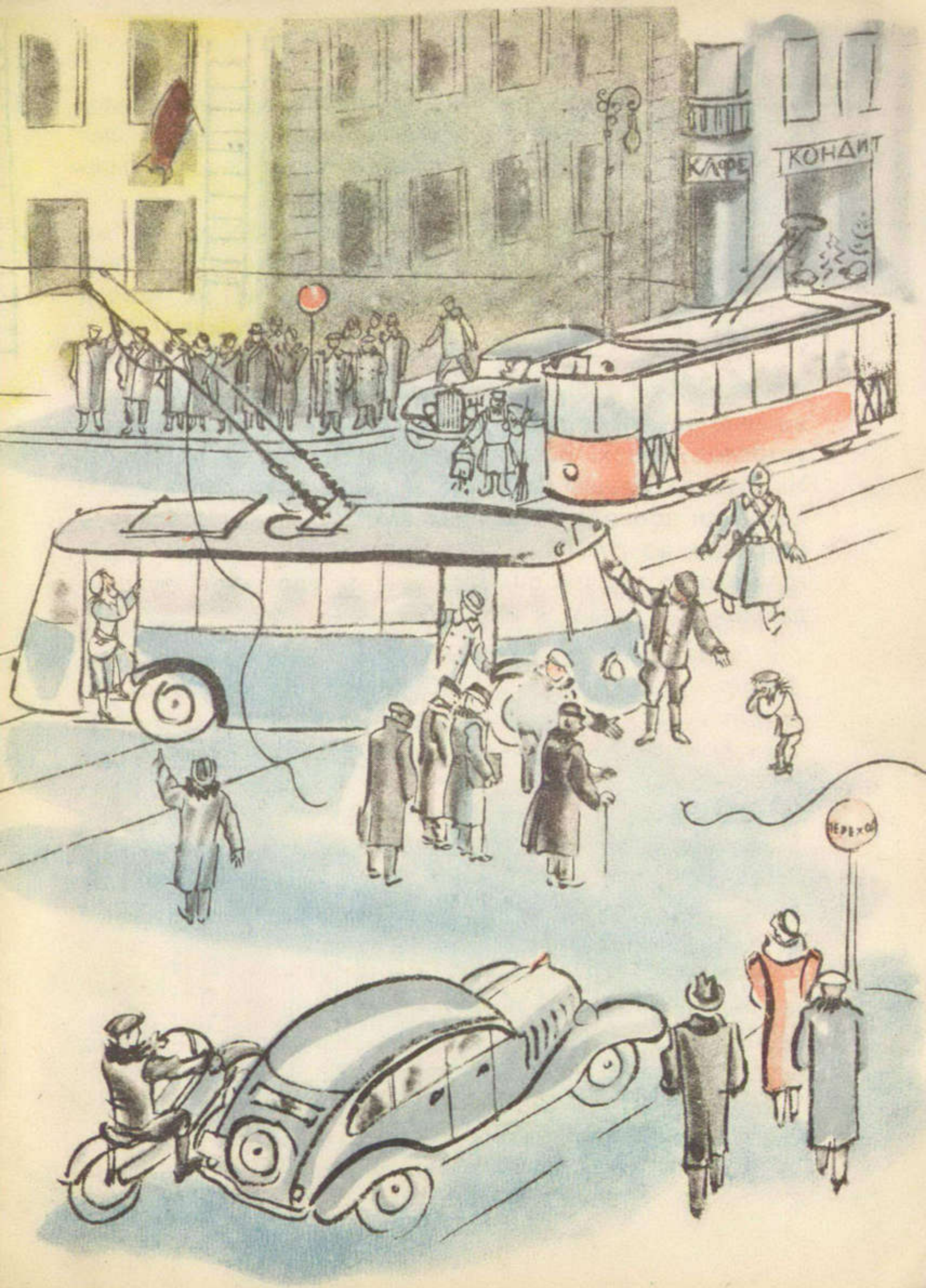
— Ах, это опять негодный Геня Лошадкин! — закричал он так громко, что мы все услышали. — Что вы натворили, вы видите? Разве можно не соблюдать правила? Марш в школу, негодный Лошадкин!

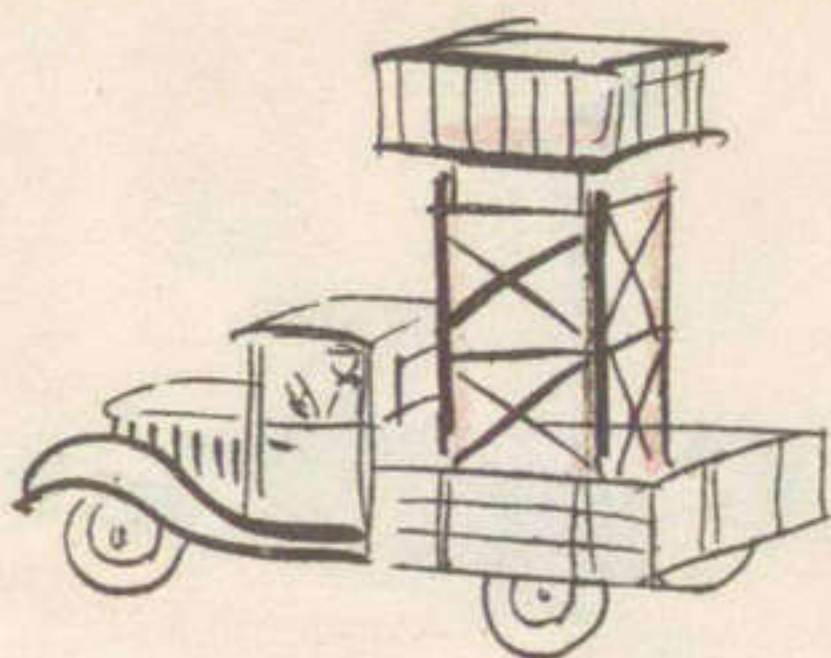
Что только сделалось на перекрестке!

Троллейбус мешал проехать трамваю, трамвай звонил, автомобиль гудел, ужас, как они все скандалили.

— Увидите, что сейчас будет, — сказал

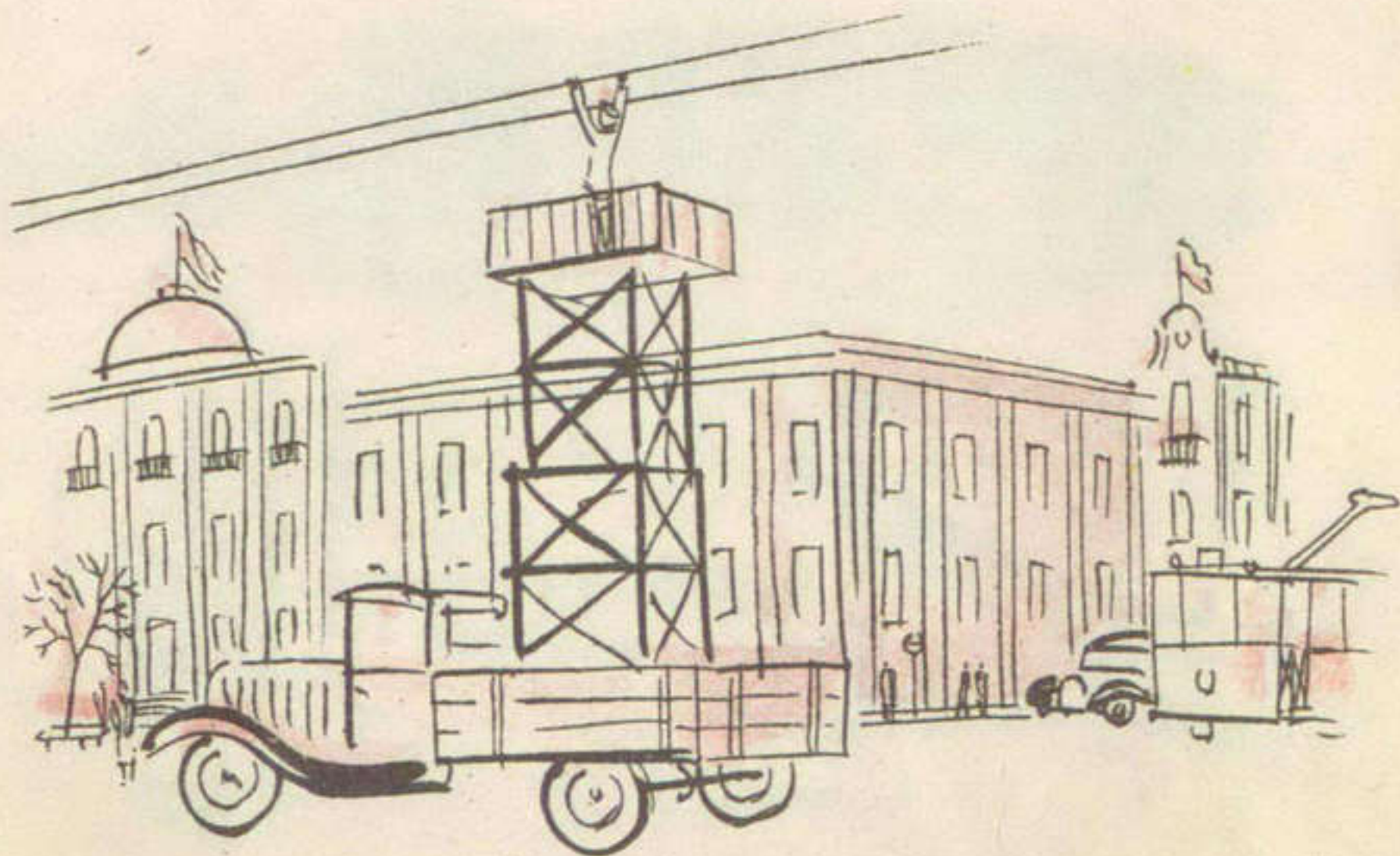

я, — увидите, как мой знакомый милиционер Иван Федорович будет спасать уличное движение.

А Иван Федорович тем временем уже разговаривал по телефону. И не успели мы опомниться, как, гудя и гремя, примчалась новенькая аварийная машина. Это, наверное, Иван Федорович вызвал ее по телефону. На аварийной машине была устроена башня. Башня поднялась до самых проводов. На башню влезли рабочие в резиновых перчатках и починили провода. И машина уехала. А мы собрались в кружок вокруг Гени Лошадкина и как следует отругали его за то, что он опаздывает, нарушает уличное движение и катается на колбасе.

ДЕВОЧКА ЛЕНОЧКА

Однажды я шел из школы и вдруг увидел, что Иван Федорович сидит на корточках. Никогда он прежде не сидел на корточках. Я очень удивился. Оказалось, что он сидел на корточках перед маленькой девочкой. Лица у девочки не было видно. Был виден один только нос. Так замотали девочку платком. Вокруг стояли люди и улыбались. А Иван Федорович спрашивал:

— Вы чего плачете? Вы скажите, чего вы плачете? Или, может быть, вы смеетесь? Мне не видно из-за вашего платка. Вы с мамой были? Или вы с бабушкой были? Или вы с тетей были?

Но девочка плакала и прижимала к себе маленькую куклу.

— А как ваша фамилия? — спрашивал Иван Федорович, — вы где живете?

Он оставил на своем посту дворника и взял на руки плачущую девочку вместе с куклой.

— Отнесу вас в отделение милиции, — сказал Иван Федорович, — ничего не поделаешь.

Иван Федорович взял и меня с собой. Мы шли, а девочка все плакала и плакала.

— Какой-то у вас голос некрасивый, — сказал Иван Федорович, — даже у меня уши заболели. Кричите хотя бы тогда в сторону.

— У нее голос, как у сирены для воздушной тревоги, — сказал я.

В отделении милиции была очень хорошенькая комната для таких потерявшихся детей. Там были большие куклы, заводной танк и железная дорога. Я нагнулся и развязал у девочки платок.

— Вот так штука! — сказал я. — Эта девочка мне знакома. Это Леночка Лошадкина. Здравствуй, Леночка!

— Здравствуй, — сказала она и перестала плакать.

НУ И СЕМЕЙКА

— Я могу сойти с ума!—сказал Иван Федорович. — Надо же иметь на своем участке такую семейку. Папа Лошадкин кидает апельсиновую кожуру, Геня Лошадкин катается на колбасе и еще поломал троллейбус, а маленькая Леночка потерялась. Кто виноват? Виноват во всем папа Лошадкин.

Только мы вышли из детской комнаты — вдруг нам навстречу несется папа Лошадкин и спрашивает:

— Тут моя дочка?

А Иван Федорович молчит.

— Тут моя дочка?— спрашивает папа Лошадкин еще раз. — Я ее потерял. Я начал газету читать и потерял свою дочку. Ох, мне дурно! Дайте мне воды. Дайте мне мою дочку. Дайте мне стул посидеть.

И следом за ним вбегают Геня Лошадкин и говорит:
— Где моя сестра?

А Иван Федорович все молчит.

Помолчал, помолчал и говорит:

— Ладно уж. Тут ваша Леночка, играет с большой куклой, но дайте мне слово, что теперь будете сознательными. Мне просто стыдно, что на моем посту такая семья проживает. До чего дошли. Дочку потеряли.

Схватил папа Лошадкин свою дочку на руки и говорит:

— Спасибо вам, Иван Федорович, никогда больше не буду. Возьму себя в ежовые рукавицы. Теперь я знаю, что такое милиция.

— И я тоже не буду ездить на колбасе, — сказал Геня, — я буду лучший пешеход.

— Ладно, — сказал Иван Федорович, — поглядим. Меньше слов, больше дела.

Мы попрощались и разошлись каждый в свою сторону.

ПОЖАР

Папа был на работе, а мама ушла за яблоками. Я сидел и учился. Учился и учился и не слышал, как выкипел электрический чайник. И потом сразу запахло дымом. От дыма у меня выступили слезы, а я подумал, что, может быть, мне так надоело учиться — до слез. И решил немного попрыгать через стул. Оглянулся — вижу пожар. Стол горит, скатерть горит — пожар да и только. Я как крикнул. Не помогает. Еще сильнее горит. Выскочил я на перекресток и без всяких правил уличного движения побежал к Ивану Федоровичу. Подбежал и говорю:

— Горим! Ура!

Я хотел сказать: „Горим! Пожар!“ а сказал: „Горим! Ура!“ Это от волнения со мной случилось.

Иван Федорович поставил вместо себя дворника, мы взялись за руки и побежали. Я по дороге говорю:

— Позовите по телефону моего папу. Он пожарник. Он любой пожар в минуту потушит.

— Ладно, — говорит Иван Федорович, — без паники.

Прибежали мы домой, а там такой дым, что ничего не видно. Иван Федорович сейчас же выключил чайник, потом позвонил по телефону, потом мне велел таскать из кухни воду. А сам заливал огонь водой и тушил его одеялом.

И через несколько минут всё потушил.

ПАПИНА КАСКА

Вдруг входит мой папа.

Вот так папа!

В каске, фонарь на груди, топор на боку, а за ним пожарники — целая толпа.

Вот это папа, так папа!

— Ну и стыд, — говорит он, — у меня в квартире пожар. Спасибо вам, Иван Федорович, что потушили. Позвольте пожать вашу руку.

А Иван Федорович отвечает:

— Уж лучше вы ее не пожимайте. Она у меня болит. Я ее обжег.

Папа сейчас же помазал Ивану Федоровичу руку мазью.

— Вот и хорошо, — сказал Иван Федорович. — теперь я надену белую перчатку и ничего не будет заметно.

Тут пришла мама с яблоками.

— А у нас пожар был, — говорит папа, — дай-ка нам по яблоку. Скатерть твоя сгорела. В жизни я так не хохотал. Чтобы у самого пожарника — вдруг пожар.

И они смеялись.

Потом они ушли и мама сказала:

— Милиционер — просто герой. Руку обжег и хоть бы что.

— Да, — сказал я, — он герой, но и наш папа тоже ничего себе.

И мы с мамой стали говорить о том, что наконец-то повидали папу в полной пожарной форме.

Поговорили, и я выглянул в окно: мой знакомый милиционер попрежнему регулировал уличное движение.

А на улице была уже весна. Очень ярко светило солнце, на деревьях распускались почки, чирикали птицы.

— Мам, весна! — сказал я.

— Да, — сказала мама, — скоро уж первое мая.

Г-38

Для дошкольного возраста

Редактор Н. Дилакторская. Худ. ред. Н. Полозов. Техн. ред. И. Саулич и Т. Васильева. Корректор М. Беляева. Сдано в производство 21/VI 1939 г. Подписано к печати 1/XI 1939 г. Инд. Д-5. Лендетиздат № 3. Тираж 50.000 экз. Леноблгортлит № 5325. Заказ № 544. Формат бумаги 70x92¹/₁₆. Авт. л. 0,57. Уч. авт. л. 2. 24-я лит. ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига“ Ленинград, ул. Мира, 3.